

1.

Главный редактор районной газеты «Зареченские зори» Рогозина Людмила Владимировна утром, перед началом рабочего дня, провела небольшое совещание в своём небольшом кабинете, лишённом излишеств. Взглянув на лежащий перед ней лист бумаги, она обвела взглядом сидящих сотрудников, сделала несколько объявлений по поводу освещения событий в городе, а в заключение сказала Ермолину, сидящему возле окна:

— Вам, Анатолий Геннадьевич, необходимо съездить в село Бирюково и встретиться с председателем СПК «Восход» Коганом Семёном Ефимовичем, узнать, как проходит сев, — короче, окунуться в сельскую жизнь как можно глубже. Машину я тебе даю, так что поезжай сегодня; надеюсь, вы обернётесь туда и обратно за день. Вчера я созвонилась с Коганом, он будет тебя ждать.

Анатолий, подъехал к своему дому с резными наличниками, утопавшему в зелени черёмухи и сирени, взял рюкзак с необходимыми вещами, собранными женой.

— Катюша, сегодня еду в район, в Бирюково.

Заглянул в кроватку, где безмятежно спал, положив пухлую ручку под щёчку, восьмимесячный сынишка, и вздохнул:

— Я поехал. Рано не жди: сто двадцать километров от нас, и дорога неважная.

Катя согласно кивнула:

— Буду ждать, приезжай скорее. Позы хочу пострепать, приедешь — покормлю тебя, любимый, — она ласково прижалась к нему.

— Здорóво, позы люблю, они у тебя получаются на славу. Приеду — распробую, дорогая. Я поехал.

Корреспонденту приходится бывать во многих местах, работа беспокойная, но Анатолий любил свою специальность и всегда с нетерпением ждал встреч с новыми людьми.

В конторе СПК «Восход» Семён Ефимович, крепкий, широкоплечий, седовласый мужчина, приветствовал гостя крепким рукопожатием.

— Я ознакомлю вас с делами кооператива. Вначале поедem на ферму, затем на ток и к трактористам в поле. Вы не против?

— Конечно, нет. Чем больше посмотрю, тем лучше, Семён Ефимович.

Ферма поразила Ермолина своей добротностью и порядком в помещении. Правда, животных не было, они паслись возле реки. Несколько женщин шли по проходу, Ермолин подошёл к ним.

— Здравствуйте. Я корреспондент газеты «Зареченские зори». Расскажите, пожалуйста, как вы работаете. Нравится вам ваша работа?

— Мы свою работу любим и с радостью идём сюда. Коровушки к нам привязаны, радуются, когда видят, что мы подходим к ним, мычат, поворачивают голову, — приветливо ответила пожилая доярка.

— Ваше имя и отчество скажите.

— Татьяна Ивановна Засухина. Смолоду на ферме, себя без коровушек не представляю, мне сорок пять, а

уходить отсюда не собираюсь, сколько смогу — ещё поработаю. Руки, правда, болят, но пока терпеть можно.

— Уважаемый и опытный работник в нашем коллективе, часто получает благодарности и премии, у неё постоянно высокие надои молока от каждой коровы. За прошлый месяц, например, триста шестьдесят литров молока от каждой коровы, за год четыре тысячи триста двадцать литров — порядочно. Ничего не скажешь, в наших условиях это достижение, — подсказал председатель.

— Доим, убираем, растим телят, сейчас пришли, чтобы телят напоить. До месяца мы ухаживаем за ними сами, потом телятнице сдаём, — добавила к сказанному черноглазая смуглолицая девушка.

— Это Галина Сальникова, — представил Семён Ефимович, — наша смена и надежда. Мы верим, что она задержится здесь надолго.

— Как получится. Хочу учиться и надеюсь, что поступлю в медучилище, — улыбнулась Галя.

— Хочется, чтобы ты осталась, молодых у нас мало.

— Нет, я уеду, с детства мечтаю лечить людей и работать в больнице.

— Дело хорошее и нужное, девонька, мечтаешь — значит, поступай куда желаешь, и будет тебе радость.

— Семён Ефимович, пойдём мы, нам телят поить надо.

— Идите, конечно, голубушки.

Председатель и корреспондент обошли помещения фермы, побывали в комнате отдыха, где сидел сторож и смотрел телевизор. Ермолин заметил:

— Для нашего времени это необычное зрелище, редкость просто.

— Трудно приходится хозяйству: бензин дорожает, зерновые сдаём по низким ценам, те же запчасти очень дорогие. Всем хочется брать нашу продукцию дёшево, а продают в несколько раз дороже, — пожаловался Коган.

— Я слышал, что вы в областном центре имеете магазины?

— Имеем два продуктовых магазина, принял хозяйство и сразу постарался открыть, вы же в курсе, они нас выручают очень.

Они прошли дальше.

— А здесь у нас сепараторная, бьём масло, затем увозим на продажу в центр. Вот ещё небольшой цех, здесь делаем кефир, ряженку — очень востребованная продукция в городе, разбирают быстро.

— До вашего прихода в СПК «Восход» хозяйство еле выживало. Как вам удалось поднять его с колен и экономически пойти в гору?

— Сам не понимаю, как это мне удалось! Наверное, потому что мало дома бываю, постоянно в разъездах: то в областной центр, то в район, то ещё куда-нибудь. Не зря говорят: под лежачий камень вода не потечёт. Мечтаем открыть цех по переработке шерсти; не знаю, что из этого получится, но в соседнем районе получилось, а почему нам не попробовать?

— У вас получится.

— Ну, Анатолий Геннадьевич, посмотрим, цыплят по осени считают. Сейчас в поле поедем, посмотрим, как сев зерновых идёт, там и пообедаем.

Возле полевого стана бежал небольшой ручей, на берегах росли кусты берёзы и вербы. Высоко в небе кружились ласточки. По полю медленно двигались трактора с прицепленными к ним сеялками.

Один из тракторов остановился, дверь открылась, на землю спрыгнул тракторист, на его лице, покрытом серой пылью, белели только глаза и зубы. Оказавшись на земле, он вытер платком с лица пот, взяв ключ, полез под трактор.

— Что случилось? — спросил его Семён Ефимович.

— Двигатель застучал, сейчас проверю всё, подлажу.

— Ну, налаживай. Помощь нужна?

— Нет, я сам справлюсь.

Они пошли под навес, где стояли столы.

— Обед готов, Анна Егоровна? — спросил он рыжеволосую полноватую повариху, которая смотрела на них внимательно.

— Чутьочку придётся подождать. Вы присядьте пока, обед скоро будет.

Она принялась резать хлеб. Журналист продолжил беседу:

— Семён Ефимович, расскажите, как проходит сев в вашем хозяйстве?

— Сеём понемножку, — председатель взял блокнот, заглянул в свои записи. — На сегодняшний день мы засеяли двести тридцать гектаров зерновых, из них сто двадцать — пшеницы, шестьдесят два — овса, сорок восемь — ржи. Три гектара овощей. Кормовых однолетних трав необходимо посеять двадцать гектаров, посеяли двенадцать, многолетних трав — двадцать, посеяли восемь. Вот такие дела. Работа спорится, но трудности у нас большие, второй год не можем получить задолженность по субсидиям на приобретение техники. Правда, в прошлом году получили два трактора по грантам, из положения всё равно выходим. Мы же россияне, нам всегда приходится преодолевать трудности, без этого не можем жить просто.

К стану стали подъезжать трактора. Трактористы и сеяльщики с шумом и весёлым смехом мылись, а потом усаживались за стол.

— Егоровна-а, обед давай, хватит тебе волынить.

— Подходите, всё готово, — она налила в алюминиевые миски суп и поставила перед председателем и журналистом. — Ешьте на здоровье.

— Спасибо, попробуем и оценим. Ты повариха хорошая, у тебя всегда всё вкусно получается.

Та немного засмуцалась:

— Скажете тоже, Семён Ефимович. Стараюсь, иначе как? Плохо не умею, иначе нельзя.

— Народ у нас добрый. Основа любой страны — деревня. Мы кормим, поим людей. Если на столе у горожан

будет молоко, мясо, хлеб, овощи, значит, мы живём не зря и наше существование оправдано.

— Подходите, подходите, не задерживайтесь, — озорно говорила Анна Егоровна, ловко орудуя черпаком.

В воздухе плавал сладкий запах варёной баранины, смешанный с ароматом трав и листвы. Аппетит у всех был отменный.

— Ох, супок — просто объеденье, вкус необыкновенный. Люблю здесь обедать, — добродушно заметил Коган.

— Вкусно. Если вы каждый раз будете принимать меня так хорошо, мне понравится к вам ездить.

— Всегда пожалуйста, когда захочешь — приезжай, для хороших людей двери всегда открыты.

После обеда они поехали на дальние поля, чтобы проверить, как там идёт сев. Они ехали по тряской просёлочной дороге от поля к полю, на которых гудели трактора — незабываемая картина сельской жизни. Дорога то взбиралась на крутую гору, то сбегала узенькой лентой в долину. Лес между пашнями манил чарующей прохладой, звал в таинственную тёмно-зелёную лесную глубину. «Нива» то натужно вздыхала на подъёме, то легко мчалась вниз, потряхивая пассажиров на многочисленных выбоинах. У Ермолина к вечеру заболела голова, а председатель невозмутимо поглядывал в окно машины на пробегающие картинки природы. «Привык человек каждый день ездить», — подумал Анатолий Геннадьевич.

— Понравилась тебе поездка?

— Впечатления сильные, я опишу в своём очерке то, что увидел.

— Пиши, Анатолий Геннадьевич. Читаю вашу газету регулярно, и многие материалы нравятся, жизненные и правдивые.

— Спасибо.

Тем временем они въехали в деревню.

— Меня возле конторы высадите, — попросил Коган. Вскоре он вышел.

— Счастливой дорожки вам, а я ещё немного поработаю, — и пошёл твёрдой, уверенной походкой к конторе.

— Этот человек знает себе цену, таких людей мало сейчас, — сказал журналист водителю Алексею. — Поехали домой, а то нас жёны заждались.

Проехав с километр, мотор неожиданно застучал, пошёл дым.

— Ох, ёлки-палки, что такое?

Алексей остановил машину, открыл капот и, осмотрев машину, присвистнул.

— Да-а, Анатолий Геннадьевич, придётся нам здесь загорать долгонько, двигатель накрылся. У тебя есть номер телефона Когана? Позвони ему, пусть трактор отправит, здесь машину мне не отремонтировать.

— Сейчас позвоню.

Он набрал номер телефона председателя:

— Семён Ефимович, неудача у нас, сломались, стоим на дороге, примерно в километре от деревни. Пришлите машину или трактор, чтобы оттрелевать машину в деревню, на дороге ремонт не сможем сделать.

— Ждите, сам приеду или отправлю кого-нибудь, — немного подумав, ответил Коган.

— Ждём транспорт, Алексей, Коган обещал машину отправить.

Через некоторое время из-за кустов выехал «уазик», за рулём сидел Коган. Подъехав к ним, машина остановилась.

— Что случилось? — озаботился он.

— Двигатель сломался, придётся разбирать.

— Трос у вас есть?

— Есть, — ответил Алексей.

Он вытащил трос из бардачка и подсоединил «Ниву» к «уазику».

— Не повезло нам сегодня, непредвиденное происшествие.

— Теперь ничего не сделаешь, на временный постой я вас определяю к Анне Елизаровне и Ивану

Терентьевичу, у них сегодня переночуете. Люди они добрые, гостеприимные, живут со своим внуком, ему семь лет, он особенный ребёнок. Может, он вас заинтересует.

— А что с ним? — заинтересовался Ермолин.

— Сам вскоре узнаешь.

Они подъехали к аккуратной ограде, выкрашенной в зелёный цвет. В глубине двора стоял пятистенный, старинный, сделанный ещё до революции дом с резными наличниками.

— А вот и хозяйшка вышла на крыльцо.

Хозяйка неспешно открыла ворота.

— Загоняйте машину в ограду, народ всякий, мало ли что, — проговорила она, пристально вглядываясь в гостей.

— Елизаровна, я тебе уже говорил по телефону, пусть они переночуют, а утром уедут. Машина у них, кажется, основательно сломалась, посмотрят, скажут, что к чему. Я поехал домой, семья заждалась, а утром встретимся с вами. Иван дома?

— Дома, смотрит телевизор. Проходите в дом, я чаю вам налью, проголодались, наверное, — пригласила Анна гостей.

Председатель уехал.

— Не беспокойтесь, Анна Елизаровна, сейчас мы глянем, что с машиной, а потом можно и чайку попить.

Алексей полез под машину, открыл капот и увидел, что масло вылетело и завтра своим ходом не уедешь до города.

— Придётся просить председателя, чтобы нас дотянули до райцентра. Как иначе — не придумаю даже.

— У них ходит транспорт каждый день, поможет добраться до города. Собирай инструменты, да в дом пойдём.

Мимо них пробежал в дом небольшой мальчишка в серенькой рубашонке и с большими распахнутыми карими глазами. На крыльцо вышла Анна.

— Проходите в избу, машину не отремонтируешь сейчас, поздно уже.

— Закончим на сегодня ремонт, а завтра до города нас дотянут всё равно.

Долго, брызгаясь водой, с шумом, мужчины умывались под умывальником и с удовольствием вытерлись чистым полотенцем, поданным хозяйкой.

— Хорошо в деревне летом, красота! Ну, пошли, дружок, в дом, чем нас хозяйюшка угостит, посмотрим.

— Живот свело от голода, пойдём скорее, — ответил Алексей.

Анатолий невольно остановился на крыльце, глубоко вдохнул чистый, напоённый запахами трав деревенский воздух, взглянул на убегающую вдаль речку, горы, поросшие лесом, огромное небо над головой. После городского шума такая непривычная тишина. «Как хорошо!» — закинув руки за голову, подумал он.

— Ты долго будешь стоять? Заходи, ужин стынет, — открыл дверь Алексей. — Что задумался? Останешься голодным.

— Иду, иду, — торопливо сказал Анатолий и перешагнул через порог.

Дом был поделён на две половины — кухню и переднюю. Кухня была большой, слева стояла русская печь с плитой, возле окна большой стол, застланный клеёнкой, на окнах шторы с красными маками поверх тюлевых, в углу большой холодильник, возле него электроплита «Мечта», у окна на тумбочке телевизор. В комнате было чисто и светло. Луч солнца высвечивал перед русской печи.

— Садитесь за стол, Анатолий Геннадьевич, — пригласила хозяйка, — а то всё остывает. Познакомьтесь с моим мужем. Иван, выйди к гостям, оторвись от телевизора.

Из передней вышел Иван:

— Здравствуйте, гости.

— Здравствуйте. Вот, побеспокоили вас.

— Всяко бывает, мало ли что может случиться в дороге.

— Сломалась машина основательно, здесь, наверное, нам её не наладить, только в Зареченске.

— Утро вечера мудренее, завтра всё наладится, — участливо ответил Иван.

Из комнаты выбежал мальчишка и прижался к бабушке, с любопытством смотря на гостей.

— Слава, иди в другую комнату, нельзя при гостях маленьким сидеть.

Малыш послушал бабушку и ушёл.

— Он нам не мешает, пусть сидит. Ребёнок ходит в школу?

— Пойдёт осенью.

— Ох и хороша ваша картошечка с грибочками, варенье из смородины — прелесть, давно не едал такого, — крикнул Алексей.

— Вам где постелить, в комнате или на сеновале?

— Конечно, на сеновале! Когда такая возможность появится, неизвестно. Романтика!

— Хорошо.

Она взяла постельные принадлежности и вышла с внуком на улицу. Ермолин скользнул взглядом по столу. На клеёнке сидела муха, он машинально махнул рукой, но муха не улетала. Он удивился, внимательно всмотрелся и понял, что она нарисована.

— Это кто так сумел нарисовать? — удивлённо спросил он Ивана.

— Да малец наш, Славка, балуется. Аннушка, видно, не успела стереть с клеёнки.

— И давно он так рисует?

— Лет с трёх, может, с греха сбились с ним, — сокрушённо произнёс дед.

— Да-а, — только и смог произнести Анатолий.

— Возьмёт в руки уголь, или мел, или карандаш — считай, всё пропало, изрисует возле себя всё. Позавчера печь разукрасил так, что бабка часа полтора забеливала.

У нас в роду сроду таких не было, а он откуда приبلудился — не знаю даже. Не от мира сего внук наш.

— У ребёнка талант, его развивать надо, помогать.

— У нас в селе к чему это? Совсем ни к чему.

— А мама с папой где?

— Дочка уже лет шесть глаз не кажет, некогда ей. А-а, что говорить! — он сердито махнул рукой. — Лучше помолчу. Хорошо хоть вот эти штучки появились, — показал он на сотовый телефон. — Звонит, беспокоится, одежонку мальцу отправляет.

Вошли Анна со Славкой.

— Пойдёмте, я приготовила для вас постель, — подошли к лестнице. — Подниметесь, там я всё приготовила, захотите пить — вода возле ворот в бочках, собаки связаны крепко, не бойтесь их. Спокойной ночи.

Она постояла ещё немного во дворе и, увидев, что постояльцы на чердаке, улыбнулась и вошла в дом. Алексей упал на постель.

— Ох, здóрово: тишина, свежий воздух, запах свежескошенной травы! Сейчас домой позвоню — и спать, устал очень.

— Я тоже позвоню, подумаю, как очерк написать, а потом на боковую.

Солнце уже село за горы, темнело, затихало село, свет гас в окнах.

Окончание следует